

**«БОЛЬШЕ ДВУХ МЕСЯЦЕВ ТЕПЛО НЕ ЖИВУТ В СИБИРИ...»
(ЕВРОПЕЙСКИЕ КАРТОГРАФЫ И МОРЕХОДЫ НА ТРАССАХ
ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА)**

Аннотация. В статье рассматривается исторический аспект Великих географических открытий Северной Азии. К ним причастны и уроженцы Западной Европы с периода раннего Средневековья и до Нового времени. Начиналось оно с любопытства, но переросло в системное изучение.

Ключевые слова: Северная Азия, европейцы в Сибири, научное исследование.

Abstract. The article examines the historical aspect of the Great Geographical Discoveries of North Asia. Natives of Western Europe from the early Middle Ages to the New Age were also involved. It began with curiosity, but turned into a systemic study.

Key words: North Asia, Europeans in Siberia, Scientific research.

До того, как Морские отряды Великой Северной экспедиции отправились из Тобольска речными путями к Ледовитому океану, туда проложили дорогу сотни исследователей и промысловиков¹: сначала в мечтах, а затем и в реальности. Единицы являлись картографами, а многие промысловики и неграмотны, но они смогли зафиксировать увиденное. По их описаниям и крокам (схематичным чертежам) намечали свои трассы более подготовленные мореходы, в т. ч. европейцы. Самые тяжёлые препятствия — холод, ледяные поля и скудное питание (при несовершенстве судов и навигационного оборудования) помог преодолевать их личный героизм и обобщённый опыт других мореплавателей.

Представление о северных широтах у жителей средневековой Средней и Южной Европы были фантастичны даже применительно к Скандинавии, не говоря уже о Руси. Ледовитый океан, названный нидерландским географом немецкого происхождения Бернхардом Варениусом в 1650 г. Гиперборейским (как «океан на самом крайнем севере»), назывался европейцами также Oceanus Septentrionas, Oceanus Scythicus, Oceanus Tartaricus, Mare Glaciale. Для русских людей он хотя и был «Дышащим» (Студёным / Северным) морем / океаном, но «своим». Да и Баренцево море именовалось «в оригинале» Русским.

В Новгородской летописи назван местный воевода Улеб (Ульф) Рагнвальдсон, который в 1032 г., прошёл Карские (описанные как «Железные») Ворота и побывал во главе отряда новгородцев в Югре [6]. О том, что существует водный путь на Север, сказал в 1111 г. киевский летописец Нестор в «Повести временных лет».

Совсем «не в теории» осваивали русские берега скандинавы: ещё в 1210 г. в норвежской летописи упомянут «город Кола» (Кольский погост?). В норвежских и исландских сагах поведано о прибытии русских в 1316 г.

К 1347 г. относится упоминание о «Дышащем море», пройденном новгородцами [8, с. 87–89]. Для русских поморов берега северных морей — привычная среда обитания, а Ледовитый океан — традиционная промысловая зона, проходима за сезон кочами до Новой Земли (Матицы) и Шпицбергена (Груманта).

Изустные рассказы вдохновляли не только летописцев, но и новые поколения мореходов и промышленников. Доходили сведения и до иностранцев. От новгородца Дмитрия Герасимова (посла царя Василия Иоановича) в Риме в 1525 г. зафиксирована возможность плавания в Восточную Азию северным морским путём. Тогда же со слов Герасимова составлена Батистой

¹ Именуемых промышленниками.

Аньезе карта Московии с указанием части «северо-восточного прохода» [9]. Через 30 лет английский мореплаватель Стевен Барроу получил от русского по фамилии Лошак иную информацию о Новой Земле и морской дороге к Оби.

Отечественные политики хорошо представляли не только открывающиеся перспективы, но и трудности плавания в северных широтах. И всё же иностранные дипломаты стремились заполучить от них утаиваемые материалы. Иногда это удавалось. Пример тому — сведения и карта из «*Regum Moskovitarum commentarii...*» (известны как «Записки о Московитских делах») Сигизмунда Герберштейна, собранные им в Москве, а изданные в Вене в 1549 г. Там, в частности, упомянут некий датский посланник Давид, прошедший вместе с Григорием Истомой Белым морем в Дронтегейн в 1496 г. Впрочем, иная информация Герберштейна полуфантастична. Например, касающаяся озера Китайска¹, откуда, якобы, берёт начало Иртыш [5].

Цель — сокровища Московского царства и Тартарии (Северной Азии) всё больше занимала купцов, которых не пугали льды, морозы, зимовки. Ранее эта цель была достижима через сухопутные трассы Мехавого пути. Тогда же обменный товар — предметы европейского экспорта появились на берегах Оби и Енисея, на стойбищах и священных местах аборигенов в глубине Сибири. Наикратчайший морской путь — новая задача, которая обозначена многим мореходам и купцам. Она стала более ощутимой и реализуемой, когда с Русского Севера не эпизодически, а партиями стали поступать в Европу ценнейшие меха, моржовая и мамонтовая кость, ворвань.

Данные от русских, саамов, норвежцев, англичан, шведов стали систематизироваться. Пример тому — сведения из «*Novocomensis de Legatione Basilii Magni Principis Moscoviae ad Clementem VII*» («Книга о посольстве Василия Великого Государя Московского к папе Клементу VII») Паоло Джовио. Предположительно, опираясь на эти данные, англичанин Роберт Торн предложил в 1527 г. французскому королю Генриху VIII снарядить экспедицию, огибающую «Тартарию, Китай, Малакку и Ост-Индию». Идея фантастична и по тем временам не воплощаема, но она уже овладела умами...

Если графическое изображение Кольского полуострова на «*Carta Marina*» шведского епископа Олафа Магнуса 1539 г. было достаточно точным, то, гипотетически рассуждая, итальянский картограф Гастальди нарисовал *Stretto di Arjan* — на месте Берингова пролива. В этом же контексте создана в 1569 г. Герардом Меркатором первая карта Северного полюса (опубликована Хендриком Хондиусом в 1606 г.), где обозначено (схематично) северное побережье Сибири [7].

В стремлении к познанию Востока стала выделяться та часть европейцев, что разделяла концепцию соотношения божественного провидения и человеческого устремления Мартина Лютера. В желании «построить рай не только на небесах» протестанты находили оправдание своим поступкам в движении «навстречу солнцу».

Вступив в незримое состязание с другими протестантами — голландцами, а 1555 г. в Лондоне образована «*Merehants adventures of England for the diskoverie of landes, territories, isles, dominions and seigniories unknowen*», а в 1578 г. агент этого торгового общества в Москве Фрэнсис Черри уже записал: «Со слов русских, за Обью находится тёплое море» [4]. В 1581 г. другой английский агент — Марш узнал о плавании русских «через Новую Землю и Матюшин шар на Обь», хотя его соотечественники годом раньше (экспедиция Артура Пета и Чарльза Джекмана) уже прошли до острова Вайгач.

Гибель экипажа и самого корабля «Вильям» Джекмана не остудило желания иностранцев добраться до Сибири. Преуспели же в этом голландские моряки, пришедшие в 1594 г. к Новой Земле, но «упёршиеся» во льды. Вернувшись домой, один из участников экспедиции Виллема

¹ Таким путем, полагали иностранцы, быстрее попасть в Китай.

Баренца сообщил своим корреспондентам, что русские ежегодно плавают с товарами через Югорский Шар мимо Оби на Енисей. Всё это вдохновило европейских капитанов найти морскую дорогу на восток, обойдя льды в благоприятное время года.

Свидетельствует о пробудившемся не только о коммерческом, но и политическом интересе карта Абрахама Ортелия «Татария или Царство Великого Хана» 1598 г., хотя в части Западной Сибири она уже устарела — территория подчинена Москве.

Многие картографические материалы интересны и своими картушами, где, как на «*Taula Terrae Novae Zemblaе*» 1601 г., условно отображена Новая Земля и весьма реалистично суда, рыбы и морские животные.

К тому времени русские уже прошли сухопутным фронтиром до берегов Карского моря, осваивая природные ресурсы Севера, приводя к подданству (шерти) аборигенное население, беря ясак (налог) мехами, ставшими дорогим, но ходовым товаром на европейском рынке. В 1601 г. возник крупный (по тем временам и по региональным масштабам) единственный в Сибири морской порт Мангазея. Туда устремился взор иностранных купцов. К тому же в гарнизоне имелась «литва» из служилых, которые могли стать коммуникаторами и переводчиками [1]. Кстати сказать, имевшие какую-либо подготовку «литвины» привлекались в экспедицию Ивана Коковки 1621 г., шедшую из Мангазею на Лену.

Конечно, разрозненные данные, рисунки и схемы не описывали многих особенности морских путей. Особенности фарватера Белого и Мурманского морей, куда всё чаще приходили суда из Европы, уже знали капитаны. Этой цели служило много путевых описаний, положенных в основу карт Исаака Мааса 1603 г. и Хасселя Герритца 1613 г. Но в отношении трассы к Оби и Енисею сведений у иностранцев было крайне мало.

Между тем, подлинные артефакты и мифы о «Златокипящей Мангазее» увлекли европейцев. В 1614 г. в Москву с верительными грамотами от английского короля Якова прибыл Джон Мерик, заинтересованный в вольной торговле по Оби вплоть до Китая. Ответ на его просьбу был уклончив: «Сибирь далеко. До первых городов полгода пути. И то — зимой только... А откуда Обь-река вышла и куда вошла, того и сами туземцы не ведают. Сторона сибирская очень студёная. Больше двух месяцев тепло не живёт в Сибири. А на Оби круглый год лёд ходит — никакими судами пройти нельзя и пробовать нечего... Да и Китайское государство невелико и небогато... Добиваться вам к нему нечего...» [10, с. 728]. Протестантскому напору противостояло русское: «Как бы чего не вышло...».

Ошутив опасность от появления иностранных купцов в Северной Азии, в 1619 г. в Москве вышел указ о запрещении «Мангазейского морского хода» и до Енисея. Ослушникам грозило «быть казненными злыми смертями и дома разорите до основания».

Отныне данные о побережье Карского моря, фарватере Оби и Енисея стали секретными. И даже если привлекались к экспедициям вглубь Сибири, строительству новых крепостей, прокладке к ним водных путей служившие российской короне иностранцы, то с них брали обязательства по сохранению тайны. Этими же причинами может объясняться и сохранение втайне отчёта Семёна Дежнёва о проходе через Берингов пролив в 1648 г.¹

Сильно рискуя, члены «Датской Северной Компании» в 1653 г. прошли морем до Пустозёрска, а затем сухим путём на Обь «к Папингороду» (очевидно, Ляпин-городку).

Конечно, Ледовитый океан рассматривался иностранными картографами не только применительно к побережью Северной Азии — известна «*Nova et Fecurata Poli Arctiki et terrarium Cium Lacentium Descriptio*» Яна Янссона 1640 г., основанная на данных европейских мореходов Баренца, Баффина, Фробишера, Халла и других [2].

¹ Лишь в 1746 г. отчёт был обнаружен в архиве якутской приказной избы Герардом Фридрихом Миллером.

В отношении фарватера и побережья Белого моря (*Mare Album*) ситуация для иностранцев была знакома. Да и московские власти поддерживали интерес иностранцев к Архангельску торговыми и налоговыми преференциями.

Голландская карта Заполярья 1641 г. «*Regina Sub Polo Artico*» лишь приблизительно описала конфигурацию побережья. Она и не могла (по своему объёму) стать лоцией северных морей и впадающих в них рек. Более точна оказалась карта 1670 г., нарисовавшая Лапландский берег от Варзуги до Кандалакши и Карельский берег до устья Двины. «Попутно» (или преднамеренно?) зафиксирована конфигурация берегов Белого моря в карте 1667 г. под именованием «*Svecia, Dania et Norvegia*».

Пётр I стремился «прорубить окно» в Европу, сам участвуя в 1693 г. в Архангельске в закладке «новоманерного» корабля «Апостол Павел». Но, одновременно, царь дал старт отечественной картографии всех северных морей. С его одобрения, насмотревших «варяжских книг», тоболяк Семён Ремезов составляет в 1697 г. первый географический атлас Сибири — «Хорографическую чертёжную карту». Там, хотя и приблизительно, была дана конфигурация побережья Ледовитого и Тихого (Восточного) океанов.

Более точны, обладая приборами и немалым опытом, голландские картографы, составившие в 1700 г. подробную карту Белого моря. Опирались они и на ту информацию, что кропотливо собирал амстердамский бургомистр и большой учёный Николаус Витсен.

Постепенно укреплялась в знаниях «заморских» наук новая генерация отечественных мореходов и, почти синонимично, картографов. К 1710-м гг. относится «Размерная карта начинающаяся от усагаго проходу между Руского и Белого моря», отвечающая тактическим задачам проводки военных кораблей и торговых судов. Более детальную рекогносцировку обязывались вести с 1720-х гг. все мореходы и военные, в т. ч. состоявшие на службе Российского государства. Среди них капитаны Деопер, Витус Беринг, Матвей Шпанберг.

Предписанная Петром I инструкция (1724 г.) дала установку Камчатской экспедиции: тщательно описать берега и зафиксировать в лоциях замеченное, которое должны были подробно изучить и проверить последующие экспедиции. Так формировалось ответственное отношение к порученным заданиям и отвечающее стратегической задаче — «прорубить окно» и в Азию.

Между тем, по-прежнему стремились пройти морскими дорогами на восток иностранцы — в 1728 г. мезенские кормщики обнаружили голландских китобоев у Новой Земли. Информация об иностранцах-браконьерах, так далеко забравшихся на восток, вызвала недовольство в Петербурге. Очевидно, у голландцев существовали морские лоции и описания природных ресурсов, важные и для подлинных хозяев этого пространства — россиян.

В 1746 г. было завершено составление «Карты генеральной Российской империи северных и восточных берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам, с частью вновь найденных через морское плавание западных американских и острова Япона» [3, с. 79].

Многое из собранного трудами мореходов и картографов обобщил в 1763 г. Михаил Ломоносов в «Кратком описании разных путешествий по Северным морям и показаниям возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию»¹. Хоть и опубликовано сочинение Ломоносова лишь в 1847 г., оно помогло России определиться в морских пределах на севере и на востоке.

Так и было положено начало Северному морскому пути, ныне ставшему оживлённой транспортной магистралью и одним из многих тропинок «диалога культур и цивилизаций».

¹ Ему предшествовало «Письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном» 1755 г.

Список литературы

1. Александров В. А. Русское население Сибири нач. XVII – нач. XVIII в. Енисейский край. М., 1964.
2. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII – XVII вв. Новосибирск, 2006.
3. Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века // История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. М., 1956.
4. Берг Л. С. Открытия русских в Тихом океане // Тихий океан: Русские научные исследования. Л., 1926.
5. Герберштейн С. Записки о Московии: [в 2 т.]. Т. 2. / под ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008.
6. Гиппиус А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства // *Slavica Helsingiensia*. 2006. 27. С. 93-108.
7. Карта Гипербореи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.karakumi.ru/mapgiperborea.htm> (дата обращения: 20.05.2019).
8. Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб., 1841.
9. Связующее звено // Морские вести России. 2016. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.torvesti.ru/tems/detail.php?ID=62072> (дата обращения: 20.05.2019).
10. Славянская энциклопедия. XVII век [в 2 т.]. Т. 2 / авт.-сост. В. В. Богуславский. М.: Олма-Пресс, 2004.